

Военная фантастика

Иван КУЗМИЧЕВ

ПОСТУПЬ ИМПЕРИИ

Поступь империи

Право выбора

Мы поднимем выше стяги!

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К89

Серия «Коллекция. Военная фантастика»
Выпуск 63

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Кузмичев, Иван Иванович

К89 Поступь империи: Поступь империи. Право выбора. Мы поднимем выше стяги!: сборник / Иван Кузмичев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 832 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-161302-0

Тысяча семьсот седьмой год только начался. Русские войска бьются со шведами, убивают, гибнут, защищая Отечество. В Русском царстве неспокойно, а порой и страшно: постоянные бунты на окраинах огромного государства, набеги крымских татар чуть ли не каждой весной.

Молодой, лишенный отцовского внимания и заботы царевич Алексей находится под опекой светлейшего князя Меншикова, столь же деятельного, как государь, и при этом почти не обращающего внимания на сына своего господина.

Так случилось, что очередной поход в баню закончился для царевича странной потерей сознания, после чего очнулся он не таким, каким был еще несколько дней назад. В теле молодого наследника будущей великой империи оказывается наш современник Иван Пестерев, погибший от удара шаровой молнии.

Какой путь избрать отныне молодому человеку: остаться прежним Алексеем, в котором разочаровался отец, или же выбрать трудный, опасный путь преобразований, продолжая дело Петра Великого?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-161302-0

© Иван Кузмичев, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Поступь империи

Кто к зн мени присяг л единожды, тот у оног
и до смерти стоять должен.

Петр Великий

Пролог

*Пробуждение
Иван Пестерев*

Быв ло, что утром голов р ск лыв ется, поводов нет? Д
т к сильно, что хочется открутить ее к т кой-то м тери?

Сейч с, именно в эту секунду в голове — пульсирующ я боль,
от которой не убежишь и не спрячешься. И хочется крич ть, д
горло сипит и не более; пыт ешься сж ть виски, но руки не слу-
ш ются. А вд леке, словно в н смешку, р змытое ощущение неги.
Появится — исчезнет. Вокруг тьм . Потерян счет времени...

Безумие, к к уд в вокруг очередной жертвы, медленно об-
вол кив ет ост тки р зум , но чувствую: г снут одн з другой
искры чистого и светлого. Все поглощено мр ком кроме одной
с мой яркой искры. З нее держусь, не д ю оконч тельно р створ-
риться.

Борьб продолж ется до тех пор, пок ощущение неизбежно-
сти не перест ло дозветь. То ли упорство, то ли случ й помог-
ли, но в к кой-то момент тьм просто исчезл . Уд в не получил
в этот р з очередную жертву, но чувствую: не ушел, он просто вы-
жид ет, притих, выискив я м лейщую брешь в обороне р зум .

Голов перест л болеть, руки момент льно коснулись лиц ,
свежий, чистый глоток воздух сквозь стиснутые до скрежет
зубы оживил горящие огнем легкие, неприятно прок тившись по
всему телу.

«Сон!» — мелькнул р достн я мысль. Своя кров ть, мягк я
и удобн я. После пережитого тело ноет, к к после двухч сового
кроссфит . Одн ко гл з упорно не жел ют открыв ться. Пово-
р чив ю голову...

«А- - ! Сук ! Д в чем дело?!» От мозжечк до копчик про-
стрелив ет т к, будто позвоночник решили встряхнуть и скру-

тить одновременно. Ору что есть силы. Д толку ник кого: из горл лишь тихое сипение, и только.

Мысли, словно прорж вевшие шестеренки, со скрипом сме- няют одн другую. Что случилось? Где я? Почему никого нет?

Легкий сквознячок, пронесшийся по лицу, момент льно сдул из р зум н мек н н лиз ситу ции. Через секунду слышу лег- кую поступь ш гов, но по-прежнему не вижу идущего. Силось повернуть голову, д толку: боль и гудящ я голов — все, чего до- бился ненужным порывом.

Между тем кто-то приблизился к кров ти. Неизвестные об- сужд ли мое состояние, кто-то из них д же потрог л липкой ру- кой мой лоб. Постепенно спор перерос в выяснение отношений. Причем говорили спорщики н стр нном лом ном русском, из десятк слов хорошо если тройку могу р зобр ть.

Одн ко стоящие н до мной люди не уним лись, их «шепот» был прекр сно слышен, одн ко р зобр ть их слов я т к и не смог, просто не ул влив л смысл.

— Господ ...

В горле сильно с днило, д т к, будто я три дня пит лся льдом, сидя в холодной в нне.

— Д , Алешк ? Ты только ск жи, мы ср зу исполним, — тихо донесся откуд -то спр в чей-то искренне пережив ющий голос.

— Почему я ничего не вижу? — кое-к к просипел я.

— У тебя был лихор дк , — ответил другой голос.

— А при чем здесь мои гл з ? — недоуменно спр шив ю я. Н сколько мне известно, при д нной болезни с гл з ми проблем быть не должно.

— Дня дв н з д у тебя н ч ли сильно слезиться гл з , д же в полутьме появлялись слезы, поэтому дохтур Бидлоо сдел л по- вязку н гл з .

— Понятно. Долго я тут лежу?

Стр нный говор все больше и больше н чин л меня смущ ть, д же неопределенность, муч ющ я меня, отошл н второй пл н.

— Уже втор я неделя пошл , ц ревич...

— Кто я?

Мне пок з лось? Это обр щение...

— Ц ревич, — недоуменно ответили несколько голосов. — Алешк , неужто ты не помнишь ничего?

— Ничего не помню, д и не поним ю тоже ничего, — отвеч ю я честно.

Никких воспоминаний о последних днях у меня нет, словно их куртно стерли, но вот почему-то была уверенность, что цревичем я не мог быть точно. Я не понимал, что такое случилось и где вообще нехожусь. Одно мне было известно точно: здесь что-то не так.

«Так, надо собраться с мыслями и подумать. Что я делал вчера? Блин, прошло же две недели! Что же так кого-то чудил-то? Черт! Помню, госы были, но значение в какую-то глушь помню. А что же дальше?» Стрелью собрала все мысли в кучу, но ничего не получается.

Наконец в голове возникли прозрительные картины недавних событий...

Черный небосвод прорезают десятки голубых молний. Мой экспресс несется в ночи. Вокруг поезда бушует разъяренная стихия. Я сижу в купе, устало наблюдая за очередной вспышкой молнии, распоровшей темную завесу, хлещущую идущий поезд. Вот уже пара часов, как мне не удается заснуть, с самого начала этой грозы. Говорят, что одиночество — плохой советчик, особенно в такие минуты. Быть может, если бы я ехал в купе не один, то не совершил бы этого нелепого, глупого поступка?

Я одеваюсь и выхожу в тамбур, для того чтобы поближе посмотреть на разбушевавшуюся стихию. Когда-то давным-давно я любил смотреть на ярость стихии, на завораживающие росчерки молний, на клонящиеся к земле верхушки берез, горизонтально падающие капли ледяной воды. Да, давно это было. Так почему бы вновь не вспомнить то чувство трепета перед мощью природы?

Свежая прохлада ворвалась в затхлую железную коробку, несущуюся неведомо куда и зачем.

— Хорошо-то как!

Делаю глубокий вдох, закрываю за собой дверь в вагон.

Белые рваные линии молний появились особенно близко, ослепив меня на пару секунд. По лицу стегнули холодные капли дождя. Проморгавшись, я увидел перед собой шипящий ярко-оранжевый клубок электрического разряда. Замерев в полуметре от моего носа, он медленно закружился вокруг своей оси.

— Ничего себе апельсинчик, — изумленно выдохнул я, глядя на первую в своей жизни шаровую молнию.

Вспышка! Сознание медленно меркнет...

Глава 1

*Февраль 1707 года от Р. Х.
Дорога Москва – Суздаль*

Где-то за стеной завывает зимняя вьюга, мириды яростных лыдинок бьются в стены. Пролучин горит неровным от сквозняк племнем. Ветхая крыша поскрипывает от силы стихии.

«Где это я? Помню, что на поезде ехал, но неостанавливаясь в тихих лугах...»

Вокруг легкий полумрак, один из лучин уже потухл. Кривое пятнышко на фоне угла медленно меркло. В недоумении продолжил осмотр комнаты. Топчана с соломой под мной, кривенький стол с парой мисок неясной формы дала в середине комнаты. В стене небольшая выемка, видимо, для окна — мелкого, чуть больше ладони.

«Вот черт! Где же я? Ну не в деревне же! Далеко и шум этот достал уже! Завывает как зимой, ехал в июле. Чертовщина, японщина».

Тогда и не определив, что происходит, решил обследовать комнату лично, там, глядишь, и вовсе выйти из нее. Стоило выбраться из-под одеяла, роль которого выполняли локуты серых шкур, сшитых в один кусок, мигом стало зябко, полчища мурашек в один миг пробежали по спине. Чуть ниже — странное чувство свободы. Нижнего белья нет...

Рядом с кроваткой верхней одежды не обнаружил. Обследовать комнату не хочется. Лучше подожду появления хозяев, глядишь, и остальное все прояснится.

А время шло, никто не появлялся. Никаких шумов, кроме завывания ветра за бревенчатой стеной, не слышно.

Под ковриком немент природы повторно заснул, не дожидаясь хозяев дома.

— Эй, Ермолк, скорей подгоняй скотинку, то боярыч змерзнет — с н с ст р я Агл я шкуру н лоскуты порвет! — произнес кто-то б сом рядом со мной.

З выв ний выюги нет, только снизу поскрипыв ет порой, д и постель подо мной немилосердно к ч ется, словно колыбель.

— Алексей Борисович, и т к уже с ног п д ю, не могу больше... — взмолился молодой голос, шумно дыш от уст лости.

— Но, родим я! — Хлесткий щелчок, и кров ть дернул съ чуть сильнее, чем прежде. — Смени меня, лентяй. Учись, к к н до.

Чему следует учиться уст вшему п реньку, т к и не узн л. Созн ние резко помутнело, свет померк. Тишин окут л лебяжьими перин ми.

В следующий р з очнулся н мягкой кров ти, куд приятнее той, что был до этого. Вылез ть не хочется. Оглядыв юсь по сторон м. Н стен х п р светильников, ч дящих в з копченный потолок. Комн т з метно больше первой, д и опрятнее, н полу леж т шкуры животных. Выполз ю из-под толстого одеял , н теле смешн я пиж м . Около двери с поги стоят. Не кирз чи, но стр нные. Непонятные.

Ст роверы, что ли, к себе прибр ли? И з чем, спр шив ется? А, л дно. Пок ничего не зн ю, дог дки строить не следует, только глупости придум ю...

Т к, стоп, где, спр шив ется, т троиц ?! Не померещилось же мне все это?! Алешк -ц ревич к кой-то, опять же. Шутки, конечно, люблю, но не т кие жесткие. Хотя р зберемся — вось и с м пошучу н д кем.

В теле приятн я р ссл бленность. Удивительно, но куш ть не хочется, д и пить тоже. Одр ко стоило подум ть об этом, к к желудок недовольно уркнул, булькнул и требов тельно з ныл.

— Блин, не было печ ли, — недовольно цык ю языком, оглядыв я комн ту в поиск х одежды.

Убр нство куд бог че прежнего. Тут тебе и мини тюрн я л вк возле двери, п р покрытых л ком стульев с кр сивой резьбой, стол из к кого-то темного дерев . Н стене вовсе висит живописн я к ртин с изобр жением гор и нескольких людей верхом н конях. В углу притулился небольшой шк ф, з ст вленный книг ми в потертых переплет х. Вот, собственно, и все, что было в комн те. Хотя нет, в другом углу — с мый н стоящий кр сный угол! С икон ми и свеч ми. Офигеть же. Д вно я т кого не видел, в деревнях р зве что.

— Что ж, потерплю, не кисейн я б рышня, не умру от недодения, должен же кто-нибудь появиться.

О медсестр х я больше и не вспомин л, больно уж диссониров л окруж ющ я обст новк с привычной тмосферой обители последов телей Гишпокр т .

Леж ть под одеялом — дело нехитрое, особенно если в комн те тепло и д же немного душно. Легкий полумр к способствует полудреме. Желудок то и дело взбрыкив ет — просит, з р з , кормежки.

Минут через пять дверь приоткрыл сь. Вошел, пятась спиной вперед, немолодой мужчин с остриженной под горшок совершенно седой головой, в ст ринном пл тье. Примерно т кое, к кое пок зыв ли в фильме про Ломоносов , д же вон рюшечки с рук вов свис ют. З б вно, чесслово.

— Б тюшк милостивый, очнулся, хв л Господу!

Улыбк дядьки неожид нно больно кольнул сердце, ведь т к могут улыб ться только дорогому человеку... Но зн ю, что его не зн ю!

— Извините...

Пыт юсь р зобр ться, в чем, собственно, дело, но вместо норм льной ре кции, ожд емой мной, вижу, к к он п д ет н колени, чуть ли не стуч головой об пол.

— З что же ты т к со мной, б тюшк милостивый?! Чем прогнев л тебя? Неужто неугоден ст л, з щитник ты н ш? — с дрожью в голосе спр шив ет дядьк , того и гляди из гл з пок тятся слезы обиды и отч янья.

— Д что происходит? Чем обидел тебя? Я же не помню ничего, с с мого поезд ничего не помню, ты тут н колени п д ешь...

— Прости меня, б тюшк , прости сирого, недоглядел я з тобой, к юсь, Алексей Петрович, сердечно к юсь, нет мне прощения!

«Млин! Кит йц тебе в ох пку!»

— А ну прекр ти! Ответ й по существу: что случилось?!

Ст рик вскочил с колен, легк я тень улыбки промелькнул н губ х, и, тяжело вздохнув, з говорил...

Мол, я, Алексей Петрович, б тюшк и з щитник всех юродивых, решил поех ть к м тушке своей, Евдокии Федоровне, в мон стырь. Почему он т м и вообще кто это т к я, не понял. Д льше вообще стр нности одни. Ок зыв ется, со мной поех ли друзья: бр тья Колычевы, Н рышкины, п р духовных лиц во гл ве с протопопом Верхосп сского собор Яковом Игн тьевым

и несколько слуг. Что, собственно, вся эта толпа делала рядом, так же непонятно. Делать, с моей точки зрения, было интересное в ином — вернуться мы должны были в назначенный день февраля!!!

«К какой февраль, твоим делом?! Сейчас июль на дворе должен быть!» — едва не закричал я. Хорошо вовремя прикусил язык.

Тут сразу вспомнились извечные вьюги, морозный ветер, поскрипывание кровли, — вернее полозьев... Все странное и непонятное сплелось в узел, разубить который ой как не хочется, разпутать нужно. И чем скорее, тем лучше.

Между тем история продолжилась.

Вся компания отправилась в суздальский Покровский монастырь. Пробыли в гостях неделю, затем отправились обратно. Гонимые Преображенское отправились сразу. Но затем, когда сроки назначения перешли все мыслимые границы, и все не было, отправились слуги с собаками и плутонг солдат впридачу. Прямо по пути, по которому мы возвращаться должны были.

Все бы ничего, да только одно подворье боярин Хлощин нашлись сожженным дотла, людшек разбойного вида рядом и парусней с богатым убранством. Не до ли говорить, что в том месте перевернули каждый камень, обошли все сосны. А найти цревича не смогли. Как, впрочем, и дружков, что в путь со мной отправились.

Не зная, что делать, поисков я командой проследил весь путь от монастыря до Преображенского, но следов больше не нашлись. Однажды через пару недель после пропавших компаний в ворота дворца постучал мужик с молодым парнишкой. В их снах лежал цревич Алексей. Я то есть.

Смислители куда-то пропали во время поднявшейся радостной суматохи. Их даже зпомнить не получилось.

Три дня подряд шли службы в местных церквях, били в колокол и восхваляли милость Божию. О пропавших сотворивших никто не вспомнил. Разве что их родичи, да и те, по-видимому, не могли придумать ничего лучше, как отслужить по ним службу за упокой...

— Достточно, — негромко говорю старикам. — Как зовут тебя, мил человек? Не помню ничего.

«Если все это шутка, то очень грамотно построена шутка, если же нет и я правду скажу какой-то цревич, да еще к тому же Алексей Петрович, то... — В голове тревожно щелкнуло, неприятная идея забрезжилась и признания. — То это полная оп!»

— Никифор я, б тюшк , помощник ныне проп вшего Ев рл - ков , — поклонившись, предст вился ст рик. — Получ ется, что домопр витель новый.

— Домопр витель — это хорошо, — кив ю ему. — Это з меч - тельно, потому что очень хочу есть. Никифор, н деюсь, не д шь умереть от голод ... ц ревичу? — пробуя н вкус новое слово, интересуюсь у ст рик , мысленно прикидыв я, проколется он или нет.

Не прокололся, лишь улыбнулся и, к к з пр вский фокусник, пост вил н небольшой столик перед моей кров тью глубокою серебряную т релку с ром тным бульоном.

— Сп ситель, ей-богу, сп ситель!

Сгл тыв ю вязкую слюну. Никифор перед л деревянную ложку. Желудок утробно рыкнул, требуя свое. Не медля, перебр сыв ю ноги н пол. Беру горячую т релку и, обжиг ясь, шумно хлеб ю бульон.

Т кже Никифор пост вил н стол т релку с м ленькими булочк ми, небольшой поднос с ж реной птицей и пустой кубок, рядом с которым ок з лся серебряный кувшин с широким горлом.

— Что это? — кив ю н кувшин.

— Сбитень.

Никифор между тем н наполнил кубок, дост л белое полотенце и з мер рядом со столом. Не привык я есть, когд н меня человек в упор смотрит. Оно, конечно, и в солд тской столовой не с х р, д ведь т м н роду тьм , пережить можно, тут...

— Никифор, р сск жи: что без меня произошло, что в ц рстве н шем дел ется? — спр шив ю домопр вителя, отрыв я бедро птицы. — Ведь получ ется, что месяц без п мяти был.

— Д почти ничего и не произошло, б тюшк . Его величество Петр Алексеевич в гр де своем новом н виг ции дожид ется. Бояре н ши тоже службу несут, вскорости прик зы госуд ревы исполняют, к к и всегд , — кл няясь, ответил Никифор.

— Ну д , к к всегд , к к еще может быть... — з думчиво повторяю, медленно пережевыв я жесткое мясо. — Принеси одежду и лох нь к кую-нибудь. Умыться н до.

— К к изволите, б тюшк .

Никифор ушел, плотно прикрыв з собой дверь. В комн те н топили зн тно, но тело все же пробив л легкий озноб. Видимо, умудрился з болеть. Если пр вильно поним ю ситу цию, то сейч с н ч ло восемн дц того век . В это время обычн я простуд уносил столько жизней, что иным воин м и не снилось.

Между тем за окном поднимался зритель, приятно освещая все розовыми тонами: проснулся порою. Никто из разноцветного стекла переплетаются созданные морозом узоры, причудливо сочетаются в себе дикую красоту и гармонию природного изящества.

День предстоит насыщенный, особенно если учесть, что ничего не знаешь об окружающей обстановке, мире, даже себе прежнем. Другое дело, что планы и моменты нет в помине, будто все происходящее в порядке вещей. А может, сплю до сих пор? Эдакий летаргический сон, вот и мерещится мне всякая хрень. Нет, не похоже, слишком все реалистично.

Решимся на две проблемы времени не было, Никифор вошел в сопровождении пары служак, несущих в руках одежду: комод, штаны и рубашку. Сам домопривитель несет черную широкополую шляпу.

Через десять минут мучений мне оклеветаны штаны чуть ниже колен, комод (похож на комод штучковин, только без обшивки и боковых элементов), слегка укороченный и отлично сидящий по фигуре, льняные чулки, кожаные ботфорты, галстук строгий формы — и вот я готов к блужданиям по дворцу. Вот только естественного-то у меня нет...

«Вот ведь за днище! Откуда я все это знаю? И вообще, что такое естественное?» — с изумлением спрашивая себя, стоя перед небольшим темным зеркалом с дефектными пятнами на зеркале. И тут же в голове как-то само собой разумеющееся проносится: «Естественное — просторный плащ с рукавами и пуговицами по борту...»

— Ничего себе, — едва слышно шепчу под нос.

— Вы что-то скажите, в чем высочество? — спросил Никифор, почему-то не применив «братюшки». Видимо, не так обстановка.

— Нет, все в порядке. Ступайте.

— Как изволите.

Кланяются и тихо уходят, не забыв прикрыть дверь.

Постоял пару минут, принарядившись к новой одежде и ботфортам. Хотя все было сделано специально не для меня, однако душой чуждость вещей все-таки ощущалась: мол, родное, но что-то не то, непривычное.

— Эх, как ни прячься, отсюда нужно выходить, не вечно же здесь сидеть, право слово. — Глубоко вздохнул парочку: вдох — выдох, вдох — выдох... — С Богом! Авось русское «вось» не подведет. По крайней мере, я не это искренне надеюсь...